

УДК 340.1

Интерес в структуре правореализационной деятельности**Шигабутдинова А.Л.**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматривается значение интереса как внутреннего побудительного фактора правореализационной деятельности. Автор проводит различие между фактической и юридической заинтересованностью субъекта реализации права в совершаемых правомерных действиях и обосновывает их несовпадение. На основе критерия юридического интереса к совершению правореализующих действий выделяются две категории субъектов реализации права – субъекты, действующие в своем юридическом интересе, и субъекты, чье правомерное поведение нацелено на обеспечение чужого юридического интереса.

Ключевые слова: реализация права, юридический интерес, фактический интерес, субъект реализации права, правосубъектность

Отечественная правовая доктрина, раскрывая те или иные аспекты проблематики объективного и субъективного права, процессов их осуществления, настойчиво проводит мысль о тесной, органичной взаимосвязи данных правовых феноменов с социальными интересами [1–3].

«Право и процессы его реализации находятся в глубоком единстве с социальным интересом, – пишет в этой связи Ф.Н. Фаткуллин. – Это единство заложено уже в сущности и содержании права, всего механизма его реализации» [4, с. 292].

Правовые средства, используемые в процессе правового регулирования в конечном счете направлены на закрепление и правовую охрану социально значимых интересов различных субъектов.

Вот почему со стороны своей внутренней определенности реализация права представляет собой специфическую разновидность социально-правовой деятельности, осуществление которой всегда несет утилитарную нагрузку. «Во многих случаях для приобретения субъективного права, – верно замечает Л.С. Явич, – и во всех случаях его реализации играет первостепенную роль интерес субъекта, в том числе отдельной личности» [5, с. 186].

В этом смысле всякие правореализующие действия находятся в сложной структурно-функциональной зависимости со специфическими интере-

сами реальных лиц, осознание которых переводит осуществление правовых норм в ценностную плоскость.

Интерес в структуре правореализационной деятельности играет двоякую роль. С одной стороны, интерес является элементом внутренней мотивационной основы правореализационной деятельности, под влиянием которой формируется воля ее субъекта. Речь в данном случае идет о фактической, материальной заинтересованности субъекта реализации права в совершаемых правомерных действиях, прямо или опосредованно обеспечивающих его социальные потребности. Материальная заинтересованность лица в процессе правореализации трансформируется в конкретную ориентацию этого процесса, выражающуюся в целеполагании и определении программы действий, необходимых для достижения поставленных целей. Таким образом, субъективно-осознанный интерес субъекта реализации права выступает необходимым элементом интеллектуально-волевого механизма управления правореализационной деятельностью, сочетающего ее внутреннюю детерминацию с внешним регулированием.

Вместе с тем следует отметить, что процесс осуществления субъективных прав и юридических обязанностей может быть направлен на удовлетворение

не только собственных интересов субъекта соответствующего поведения, но и интересов других лиц. С наибольшей определенностью подобная мысль была выражена Н.В. Витруком, подчеркивающим, что «субъективное право реализуется лицом в целях удовлетворения его собственных интересов либо в целях (которые тоже становятся личными) защиты интересов других лиц, а также корпоративных общественных интересов» [6, с. 232].

Осуществление субъективных прав и юридических обязанностей в чужом материальном интересе (публичном или частном) отнюдь не означает полного отсутствия фактической заинтересованности субъекта реализации права в правореализующих действиях. В данном случае заинтересованность субъекта реализации права носит не прямой, а более сложный – опосредованный – характер. Удовлетворение материальных интересов правореализатора достигается не столько осуществлением принадлежащих ему субъективных прав и юридических обязанностей, сколько совокупностью взаимосвязанных правомерных действий, непосредственно направленных на обеспечение потребностей иных лиц.

С другой стороны, интерес характеризует результативную сторону правореализационной деятельности, отражая правовые последствия совершаемых субъектов правомерных действий. Здесь мы имеем дело с юридической заинтересованностью субъектов в реализации права.

Стоит сказать, что понимание категории «юридический интерес», активно используемой в различных отраслях юридической науки, характеризуется рядом противоречий и отсутствием необходимой терминологической точности.

Так, отдельные авторы полагают, что понятием «юридический интерес» охватываются те социальные интересы, охрана которых обеспечивается с помощью субъективных прав. Такова, в частности, точка зрения Н.А. Шайкенова: «Охраняемые законом интересы включают в себя как законные, так и юридические интересы. Интересы, которые находятся в сфере правового регулирования, но не обеспечены субъективными правами, целесообразно обозначать термином “законные интересы”, а интересы, реализация которых обеспечена субъективными правами, – “юридические интересы”» [7, с. 160].

В иной плоскости рассматривают юридический интерес представители науки гражданского процессуального права.

Так, Г.Л. Осокина использует указанное понятие для обозначения «предусмотренного законом интереса в получении судебного акта вполне определенного содержания» [8, с. 61].

Р.Е. Гукасян подчеркивает, что сущность юридического интереса состоит в том, что решение суда может отразиться на правах и обязанностях лица, возбуждающего процесс или принимающего в нем

участие. При фактической заинтересованности такие последствия не наступают [9, с. 40].

Не вдаваясь в подробный анализ изложенных подходов, укажем лишь, что известным преимуществом последней из приведенных трактовок юридического интереса является ее логически завершенный, целостный характер. Существенным инвариантом определений юридического интереса, предлагаемых в рамках данного подхода, является констатация зависимости между принимаемым судом решением, с одной стороны, и правами и обязанностями лица – с другой.

Отсюда следует, что о наличии юридического интереса того или иного лица в правореализующих действиях можно вести речь в том случае, когда совершаемые действия оказывают прямое влияние на возникновение, изменение, прекращение или осуществление его субъективных прав и обязанностей.

Нельзя не заметить при этом, что перечень субъектов, имеющих фактическую заинтересованность в тех или иных правореализующих действиях, может быть значительно шире круга лиц, интерес которых носит юридический характер.

Критерий юридического интереса, удовлетворяемого в процессе реализации права, позволяет дифференцировать две категории субъектов реализации права – лица, действующие в своем юридическом интересе, и лица, чье правомерное поведение нацелено на обеспечение чужого юридического интереса.

Первая категория субъектов реализации права охватывает право- и дееспособных лиц, самостоятельно, от своего имени совершающих правомерные действия, которые оказывают влияние на возникновение, изменение, прекращение или осуществление их субъективных прав и обязанностей.

Любопытно с этой точки зрения положение участников договора комиссии, одна сторона (комиссионер) которого обязуется по поручению другой стороны (комитента) за вознаграждение совершить одну или несколько сделок от своего имени, но за счет комитента. Исходя из того, что по сделке, совершенной комиссионером с третьим лицом, приобретает права и становится обязанным комиссионер, именно последний выступает субъектом, действующим в своем юридическом интересе. Однако фактический интерес в совершаемых комиссионером действиях, очевидно, принадлежит, в первую очередь, комитенту.

Вторая группа субъектов реализации права представлена право- и дееспособными лицами, совершающими правомерные действия от своего либо от чужого имени, в результате которых возникают, изменяются, прекращаются или фактически осуществляются субъективные права и обязанности других лиц.

Примером, наглядно иллюстрирующим особенности субъектов реализации права, действующих от своего имени, но в чужом юридическом интере-

се, в отраслях материального права и прежде всего в сфере гражданско-правового регулирования, могут служить доверительные управляющие, арбитражные управляющие, исполнитель завещания (душеприказчик).

Так, доверительный управляющий, являясь стороной договора доверительного управления имуществом, осуществляет функции по управлению чужим имуществом в интересах его собственника (или иного управомоченного лица – кредитора в обязательстве, субъекта исключительного или корпоративного права) либо иного указанного им (третьего) лица [10, с. 273].

Необходимость в уведомлении третьих лиц об особом статусе доверительного управляющего продиктована тем, что названный участник реализации права «выступает в роли собственника (или иного правообладателя), хотя и не является им» [10, с. 287].

Иными словами, осуществляя в отношении переданного в доверительное управление имущества правомочия собственника, управляющий не получает их от собственника в порядке уступки прав. Собственник-учредитель не передает управляющему свои правомочия, а предоставляет ему возможность участвовать в их реализации [10, с. 286].

Во многом сходное (но не тождественное) положение занимают арбитражные управляющие, назначаемые арбитражным судом при возбуждении дела о банкротстве для проведения соответствующих процедур. В качестве примера субъекта реализации права, действующего от своего имени, но в чужом юридическом интересе в уголовном процессуальном праве можно привести защитника. Защитник, обладая самостоятельным процессуально-правовым статусом, осуществляет, в соответствии со ст. 49 УПК РФ, защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывает им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

В гражданском процессе к указанному классу субъектов может быть отнесен, в частности, прокурор.

Сходное положение с этой точки зрения занимают в процессе органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации или граждане, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Названная категория субъектов, как замечает М.С. Шакарян, пользуется процессуальными правами и обязанностями истца, за исключением процессуальных прав, связанных с распоряжением материальными правами; решение суда лично им принадлежащих субъективных прав не затрагивает: оно относится только к правам и обязанностям субъектов спорного правоотношения, рассматриваемого судом [11, с. 197].

Кроме того, в рассматриваемую группу субъектов реализации права, очевидно, должны быть

включены государственные органы и органы местного самоуправления, вступающие в дело для дачи заключения в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Сходный состав лиц, действующих от своего имени и в чужом юридическом интересе, характерен и для арбитражного процессуального права.

Что касается субъектов реализации права, действующих от чужого имени и в чужом юридическом интересе, то хрестоматийным примером таковых являются представители.

При реализации права от чужого имени и в чужом юридическом интересе правомерной кажется постановка вопроса о соотношении правосубъектности фактического правореализатора и лица, юридический интерес которого он обеспечивает.

О.С. Иоффе, решая указанный вопрос применительно к институту представительства, полагал, что «в отношениях по представительству мы всегда имеем дело с присоединением к правоспособности одного лица, представляемого, дееспособности другого лица, представителя» [12, с. 159].

Приведенное положение, как кажется, не учитывает того факта, что в ряде случаев представитель может действовать от имени и в интересах дееспособного лица. В этом смысле большей конструктивностью отличается точка зрения Г.Л. Осокиной, которая допускает присоединение дееспособности представителя как к правоспособности, так и к право- и дееспособности представляемого [8, с. 258].

Позиция названных авторов по обсуждаемому вопросу требует критического осмысления. Так, если последовательно руководствоваться высказанными суждениями, пришлось бы признать «подвижность» элементов правосубъектности, вариативность ее структуры, означающую возможность временного объединения правоспособности одного лица и дееспособности другого.

В действительности же, возникающая в данном случае взаимосвязь элементов правосубъектности фактического правореализатора и правообладателя носит не структурный, а функциональный характер. Иными словами, при реализации права от чужого имени и в чужом юридическом интересе мы имеем дело не с конструктивным «присоединением» элементов правосубъектности одного лица к правосубъектности другого, а с процессом их функциональным взаимодействием.

Подытоживая изложенное, следует заметить, что понимание неоднородности интересов, задействованных в правореализационной деятельности, открывает перспективы для разработки ряда важных теоретических и прикладных проблем. В частности, разграничение материальной и юридической заин-

тересованности лица в совершаемых им действиях позволяет глубже и тоньше раскрыть закономерности, управляющие конфликтом интересов (как в публично-правовой, так и в частноправовой сфере). Одномерная модель, описывающая противоречие личного и служебного интереса, может оказаться здесь недостаточной. Реальный конфликт представляет собой сложную многомерную картину, в которой в самом широком диапазоне комбинаций переплетаются и взаимодействуют материальные и юридические интересы различных субъектов.

Литература:

1. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 72 с.
2. Грибанов В.П. Интерес в гражданском праве // Советское государство и право. – 1967. – № 1. – С. 49–56.
3. Экимов А.И. Интерес и право в социалистическом обществе. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 134 с.
4. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 336 с.
5. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 285 с.
6. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. – 448 с.
7. Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 200 с.
8. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М.: Юрист, 2006. – 669 с.
9. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. – Саратов: Поволжское книжное изд-во, 1970. – 190 с.
10. Гражданское право. В 4 т. Т. 4. Обязательственное право: учеб. для студентов вузов / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 755 с.
11. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. – М.: [Б.и.], 1970. – 214 с.
12. Иоффе О.С. Советское гражданское право: курс лекций. Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательствах: учеб. пособие для вузов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – 511 с.

Interest in the Structure of Realization of Law Activity

Shigabutdinova A.L.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article deals with the role of interest as an internal motivating factor of law realization activity. The author shows a distinction between the actual and legal interest of the subject in the lawful actions performed and proves their discrepancy. On the basis of the criterion of legal interest in the commission of law-implementing actions, two categories of subjects of the realization of law are distinguished – subjects acting in their own legal interest, and subjects whose lawful behavior is aimed at ensuring someone else's legal interest.

Key words: realization of law, legal interest, actual interest, subject of realization of law, legal personality

